УДК 159.9.072.59 Вестник СПбГУ. Психология. 2026. Т. 16. Вып. 2

Опыт разработки и оценки психометрических показателей шкалы дисциплинарных практик на выборке родителей (матерей) детей дошкольного возраста*

Н. А. Руднова[a], *Д. С. Корниенко*

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Ленинские горы, 1
Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований,
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, 9

Для цитирования: *Руднова Н. А., Корниенко Д. С.* Опыт разработки и оценки психометрических показателей шкалы дисциплинарных практик на выборке родителей (матерей) детей дошкольного возраста // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2026. Т. 16. Вып. 2. С. 316–336. https://doi.org/10.21638/spbu16.2026.207

К дисциплинарным родительским практикам относятся воздействия, приемы и меры, которые используют родители в ходе воспитания детей ради усвоения ими норм поведения, соответствующего социальным нормам и ожиданиям родителя либо ради исправления нарушений поведения. Несмотря на значимую роль подобных родительских практик, в современной отечественной литературе отсутствуют методики, направленные на выявление их особенностей. Настоящее исследование направлено на преодоление имеющихся ограничений и предлагает результаты проверки психометрических показателей разработанной Шкалы дисциплинарных родительских практик. В исследовании приняло участие 549 матерей дошкольников в возрасте от 24 до 55 лет (M = 36,74, SD = 4,91). Возраст детей — от 4,75 до 6,83 лет (M = 5,86, SD = 0,31), 51 % — мальчики. Шкала разработана на основе анализа ряда зарубежных психодиагностических инструментов и включает 11 пунктов, которые характеризуют различные дисциплинарные практики, применяемые современными родителями, а именно: тайм-аут, физическое наказание, вербальная агрессия, лишение привилегий, игнорирование ребенка, игнорирование некорректного поведения ребенка, вербальное взаимодействие, переключение внимания ребенка, мониторинг, моделирование поведения ребенка и предоставление естественных последствий нарушения правил или дисциплины. Для выявления валидности шкалы использованы краткая версия Опросника обобщенных характеристик родительского отношения и Анкета родительских практик, направленная на выявление практик стимуляции когнитивного развития ребенка и демонстрации родительской теплоты. Факторный анализ выявил трехфакторную структуру шкалы, установлен приемлемый уровень надежности шкал. Выявлена связь субшкал с контролем, заботой и структурой родительского отношения и другими родительскими практиками, что указывает на валидность разработанной методики. Делается вывод о возможности применения шкалы в исследовательских целях. Обсуждаются

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-78-30005.

[a] Автор для корреспонденции.

© Н. А. Руднова, Д. С. Корниенко, 2026

ограничения полученных результатов и перспектива дальнейшего исследования дисциплинарных родительских практик.

Ключевые слова: дисциплинарные родительские практики, практики наказания, практики моделирования, мягкие практики дисциплинирования, дошкольники, психометрические показатели.

Введение

Дошкольный возраст является периодом активной социализации для ребенка (Веракса и др., 2023). Она начинается в рамках семьи, а затем продолжается в дошкольных образовательных учреждениях. Множество факторов влияют на успешность социализации, и одним из них является усвоение ребенком культурных и социальных норм и правил.

Согласно культурно-исторической теории Л. С. Выготского, родители выступают носителями социокультурного опыта и агентами социализации, которые устанавливают правила и нормы поведения, регулируют поведение ребенка и обеспечивают внешний контроль, постепенно ребенком интернализующийся (Цукерман, Обухова, 2024; Solovieva et al., 2021). Так родители реализуют глобальную задачу по первичной социализации, что является основой дальнейшей интеграции ребенка в общество (Kalatskaya, Valeeva, 2021). Вместе с этим обеспечивается приемлемость поведения ребенка и его безопасность.

Родители транслируют социальные нормы и удерживают поведение ребенка в их рамках с помощью различных мер: устанавливают правила, проводят профилактику их нарушения и поощряют их соблюдение, корректируют поведение ребенка путем применения различных воздействий или санкций в случае проступков (Larzelere et al., 2023; Карабанова, 2022). Действия, которые предпринимает родитель в этом контексте, могут выступать как первичной, так и вторичной профилактикой (Straus, Fauchier, 2007; Киселева и др., 2024). Воздействие, оказываемое родителем на ребенка до нарушения норм и правил, является собственно профилактикой, или так называемой первичной профилактикой. Меры, которые предпринимаются родителем после нарушения, с одной стороны, направлены на коррекцию, поскольку родитель меняет актуальное поведение ребенка, а с другой — на вторичную профилактику, так как главная цель этих мер — предотвращение подобного поведения в будущем.

Анализ субъективных теорий дисциплинарных практик показал, что достаточно часто эти практики ошибочно рассматриваются как воздействия, направленные исключительно на установление ограничений или наказание за проступки (Castro Carrasco et al., 2019). Подобный подход имеет множество негативных последствий и противников. В частности, они убеждены, что ребенок нуждается только в любви и уважении, которые не требуют дисциплинарных воздействий. Как и первый, такой подход имеет свои результаты, и они также не всегда благоприятны для детского развития (Castro Carrasco et al., 2019). Более оптимальной выглядит позиция, в рамках которой глубинная задача дисциплинарных практик — не наказание ребенка после проступка или нанесение ему вреда, а формирование у него саморегуляции и самоконтроля через усвоение различных умений и навыков (Кортава, 2024).

Родительские практики в современной литературе в целом рассматриваются как система устойчивых, повторяющихся, в разной степени осознанных воспитательных воздействий на ребенка, обусловленных позицией родителя (Рагулина, Фокина, 2017; Корниенко и др., 2024). В этом контексте в настоящем исследовании под дисциплинарными родительскими практиками будут пониматься приемы и меры, которые реализуют родители в ходе воспитательного воздействия на ребенка, целью которых является усвоение или восстановление поведения, соответствующего социальным нормам и ожиданиям родителя (Cass, Dorr, 1988; Кузьмицкая, 2014; Castro Carrasco et al., 2019). Термин «дисциплинарные родительские практики» содержательно отличается от более широких терминов, таких как «родительское отношение», «родительское поведение», «стратегии родительского взаимодействия», «родительская позиция», «стиль родительского воспитания», акцентом на родительское воздействие, связанное именно с ориентацией на поддержание дисциплины. Также этот термин отличается от терминов «родительский запрет» и «родительские требования» тем, что отражает реализуемое родителем конкретное поведение, а не предъявляемые ребенку установки и ограничения.

Исследования показывают, что дисциплинарные практики родителей связаны с культурными особенностями и возрастом ребенка (Larzelere et al., 2023; Алмазова и др., 2022), а также значительным образом влияют на различные аспекты развития. В частности, установлено, что физическое наказание за проступки отрицательно связано с математическими навыками (Bodovski, Youn, 2010), пассивным вокабуляром (Gest et al., 2004), и в целом школьной успеваемостью (Font, Cage, 2018). Различные родительские дисциплинарные практики показывают связь с агрессивностью ребенка (Кузьмицкая, 2016), его тревожностью (Yaffe, 2021), субъективным одиночеством (Font, Cage, 2018) и проблемами поведения (Larzelere et al., 2023). Родители, дисциплинируя ребенка, формируют его самооценку (Castro Carrasco et al., 2019) и социальные навыки (Tompkins, Villaruel, 2020). Подобные результаты только подчеркивают высокий вклад дисциплинарных родительских практик в показатели развития детей и значимость их изучения.

Подходы к классификации дисциплинарных родительских практик

В научной литературе нет единого мнения относительно классификации дисциплинарных практик и в целом можно выделить два подхода. В рамках первого анализируется выраженность отдельных практик и их роль для развития ребенка (Gershoff et al., 2010; Larzelere et al., 2023).

В рамках второго подхода делаются попытки выявления различных групп практик. Так, одна из наиболее ранних классификаций включала три пункта:

1. Эмоциональное наказание, к которому относится игнорирование ребенка, лишение любви родителя, стремление пристыдить.

2. Дисциплинирование через утверждение силы, которое реализуется путем физического наказания, угроз, запугивания.

3. Разъяснение — обсуждение с ребенком необходимости или причин того или иного поведения (Cass, Dorr, 1988).

Другая классификация, наиболее распространенная, включала пять разновидностей:

1. Дисциплинирование.
2. Психологическая агрессия.
3. Телесные наказания.
4. Проявления жестокости.
5. Физическая жестокость (Straus, Yodanis, 1996).

Классификация, предложенная в отечественной литературе (Борисенко, 2010), предлагает рассматривать четыре варианта дисциплинарных родительских практик:

1. Поощрение поведения, соответствующего нормам и правилам (похвала, вознаграждение, демонстрация теплоты).

2. Сильно выраженное наказание (физическое наказание, повышение голоса, вербальная угроза или оскорбление).

3. Слабовыраженное наказание (лишение общения, изоляция ребенка, лишение удовольствий или развлечений).

4. Аналитико-компенсаторные практики (вербальные меры, моральная оценка поступка, организация действий ребенка, работа по дому, реализация естественных последствий).

Отмечая, что имеющиеся классификации сосредоточены на особенностях содержания дисциплинарных родительских практик, Ю. Л. Кузьмицкая предлагает больше оснований для их выделения. В частности, было предложено рассматривать практики:

- в зависимости от наличия насильственного компонента (принудительные и индуктивные);
- временной организации (профилактические, корректирующие, постреактивные);
- собственно содержания (физические, психологические, когнитивные/вербальные) (Кузьмицкая, 2018).

В современных работах, посвященных исследованию разнообразных дисциплинарных практик, можно встретить практики психологической агрессии, физической агрессии и ненасильственные дисциплинарные практики (Castro Carrasco et al., 2019).

Методы диагностики дисциплинарных родительских практик

В настоящее время в зарубежной литературе имеются различные инструменты для диагностики дисциплинарных родительских практик (Jeong et al., 2022). Самым известным опросником для родителей в зарубежной литературе является Шкала тактики поведения в ситуации дисциплинирования (The Parent-Child Conflict Tactics Scales) (Straus, Yodanis, 1996). Оригинальная версия включает 27 утверждений, которые позволяли выявить выраженность ненасильственного дисциплинирования (предоставление тайм-аута, объяснение, что именно ребенок сделал неверно, и др.), психологической агрессии (крик, оскорбление и др.), физического воздействия (избиение, шлепки и др.) и пренебрежения (оставление одного дома, непредоставление пищи и воды, медицинской помощи и др.). В настоящее время имеется несколько версий методики, например для респондентов-взрослых и респондентов-детей (UNICEF, 2014), шкала была также переведена на русский язык

(Фурманов, 2007). Другая методика — Опросник дисциплины (Discipline Survey) разработан также для родителей. Опросник включает 24 утверждения, которые позволяют выявить выраженность вербальной коммуникации, физического наказания, награждения или лишения привилегий, организации родителем минимизирующей нарушение поведения среды, мониторинга, моделирования поведения, игнорирования нарушений, и представление опыта естественных последствий (Socolar et al., 2004). Опросник дисциплинарных стилей (Disciplinary Style Questionnaire) позволяет выявить семь показателей: индуктивная дисциплина, манипуляция привилегиями, физические наказания, жесткое вербальное воздействие, аргументация, игнорирование и стремление пристыдить (Huang et al., 2011). Опросник особенностей дисциплины (Dimensions of Discipline Inventory) состоит из 26 утверждений и выявляет девять методов дисциплинирования: физические наказания, лишение привилегий, психологическое давление, штрафные задания, переключение, объяснение, игнорирование некорректного поведения, вознаграждение и мониторинг.

В отечественной литературе также встречаются методики, направленные на выявление родительских дисциплинарных практик. В частности, на выборке детей и их родителей проводились исследования с использованием вопросника, включающего пункты относительно осознанности использования системы поощрения и наказания в семье (Николаева, 2006). Разработана методика «Анализ стиля родительских дисциплин», которая в числе других включает шкалу «Способы наказания», состоящую из 12 дисциплинарных практик (Шведовская, 2006).

Отдельная группа исследований и методик диагностики направлена на выявление мер исключительно физического воздействия родителей на детей — от легкого физического воздействия до проявлений жестокости и насилия (Wiggers, Paas, 2022). Разнообразие методик в этой группе исследований достаточно широко. Здесь могут использоваться всемирно признанные и зарекомендовавшие себя диагностические инструменты, например методика HOME (Home Observation Measurement of the Environment), направленная на выявление особенностей домашней среды (например, вопрос: «Сколько раз, если такое случалось, Вы шлепали ребенка за прошедшую неделю?») (Lansford et al., 2023). Могут быть использованы менее известные инструменты, такие как Опросник физических наказаний (Physical Punishment Questionnaire) (Roopnarine et al., 2014) или Шкала родительских и семейных отношений (Parent and Family Adjustment Scale) (Sanders et al., 2014).

Ряд исследователей разрабатывают инструменты диагностики самостоятельно, в зависимости от целей исследования. Создаются не только опросники или глубинные интервью для родителей, например (Зеликова, 2014), но и вопросники (Николаева, 2006) и полупроективные методики для детей (Satinsky et al., 2024).

Важно отметить, что, несмотря на высокую актуальность изучения проблемы дисциплинарных родительских практик, в отечественном поле существенно ограничены инструменты их диагностики, а для имеющихся методик не представлены психометрические показатели. Зарубежные же опросники, при всей их привлекательности, имеют некоторые ограничения, в частности:

- разработаны достаточно давно, в связи с чем утратили свою актуальность;
- значительным образом сосредоточены на физическом воздействии или практиках принудительного характера и меньше уделяют внимания дисциплинированию с использованием индуктивных методов;

• достаточно объемны и содержат от 24 до 27 утверждений.

Целью настоящего исследования являются представление результатов разработки и апробации Шкалы дисциплинарных родительских практик, оценка психометрических показателей и определение дальнейших перспектив использования этой шкалы на выборке родителей (преимущественно матерей) детей дошкольного возраста.

Организация исследования

Выборка. Участие в исследовании приняло 549 женщин — матерей детей дошкольного возраста. Возраст участниц — от 24 до 55 лет (M = 36,74, SD = 4,91), 80 % имеют высшее образование, 83 % состоят в браке, у 63 % двое детей. Возраст детей — от 4,75 до 6,83 лет (M = 5,86, SD = 0,31), 51 % — мальчики.

Методы. Для выявления особенностей дисциплинарных родительских практик на основании проведенного теоретического анализа была разработана методика, направленная на диагностику выраженности различных мер, которые применяют родители для восстановления поведения ребенка дошкольного возраста, соответствующего социальным нормам и/или ожиданиям родителя.

Разработка инструмента проводилась в несколько этапов. На первом этапе был проведен анализ содержания утверждений имеющихся опросников, направленных на диагностику дисциплинарных практик. В частности, были проанализированы: шкала «Применение наказаний» из Алабамского опросника для изучения практик родительского воспитания детей дошкольного возраста (APQ-PR) (Логинова и др., 2016); Шкала тактики поведения в ситуации дисциплинирования (The Parent-Child Conflict Tactics Scales) (Straus, Yodanis, 1996; Фурманов, 2007); Опросник дисциплины (Discipline Survey) (Socolar et al., 2004) и др. На основании данных опросников был составлен перечень утверждений, которые характеризуют различные дисциплинарные практики родителей детей дошкольного возраста. Одной из задач было представить в этом перечне наиболее широкий диапазон практик, не связанный, например, только с физическим наказанием. Всего в перечень попало 13 пунктов. На втором этапе полученный перечень был передан двум экспертам в области психологии детства и детско-родительских отношений для проверки содержательной валидности. На основании комментариев экспертов в формулировки утверждений были внесены изменения. На третьем этапе была проведена фокус-группа с матерями детей дошкольного возраста, в ходе которой женщины описали свое типичное поведение в различных ситуациях, когда их дети нарушали установленные правила или социальные нормы. Также им был представлен составленный перечень утверждений, характеризующий различное поведение родителей, направленное на дисциплинирование их детей. Каждая участница оценила степень однозначности понимания утверждений, частоты использования ею каждой конкретной практики и дала свои дополнительные комментарии. Затем на основании полученных в ходе фокус-группы данных в утверждения были внесены соответствующие корректировки, два утверждения были удалены ввиду их неоднозначности. Полученный перечень включал 11 утверждений, которые описывали следующие воздействия: тайм-аут (ставлю в угол или могу посадить на стул), физическое наказание (могу шлепнуть или встряхнуть ребенка), вербальную агрессию (могу повысить голос),

лишение привилегий (могу лишить ребенка игрушки, телевизора, гаджета), игнорирование ребенка (не разговариваю с ребенком какое-то время), игнорирование некорректного поведения ребенка (не замечаю плохое поведение, чтоб не закреплять его), вербальное взаимодействие (говорю с ребенком о случившемся, объясняю возникшую проблему), переключение внимания ребенка (отвлекаю ребенка или переключаю его внимание), мониторинг (даю понять ребенку, что наблюдаю за ним), моделирование поведения ребенка (показываю, какое поведение ожидалось) и предоставление естественных последствий нарушения правил или дисциплины (позволяю ребенку самому почувствовать последствия его поведения). В качестве инструкции к инструменту была предложена следующая установка: «Все родители время от времени используют различные приемы для того, чтоб наладить дисциплину ребенка и донести до него, что его поведение неприемлемо. Когда ребенок нарушает правила или делает что-то плохое, чтоб восстановить дисциплину и пресечь дальнейшие нарушения, я…» (составлена на основании инструкции, предложенной в работе (Gershoff et al., 2010)). Оценивать утверждения предлагалось с использованием шкалы Лайкерта от 1 («Очень редко») до 5 («Очень часто»). Полученный опросник был повторно направлен экспертам и получил позитивную оценку.

Для проверки внешней валидности были использованы две методики.

1. Опросник обобщенных характеристик родительского отношения — краткая версия (Item-reduced Comprehensive General Parenting Questionnaire) (Корниенко, Руднова, 2023). Сокращенная версия состоит из 13 утверждений, которые составляют три шкалы: «Забота», «Структура» и «Контроль». Респонденты оценивают степень своего согласия с утверждениями по шкале Лайкерта от 1 («Полностью не согласен») до 5 («Полностью согласен»), α Кронбаха: для «Структуры» — 0,65, для «Заботы» — 0,69, для «Контроля» — 0,60.

2. Анкета родительских практик (Cumming et al., 2022) состоит из двух блоков. Первый блок посвящен выявлению родительских практик, направленных на когнитивную стимуляцию развития ребенка, к которым относятся занятие спортом, обучение письму, чтению, обсуждение окружающего мира и т. д., — всего 10 пунктов. Респонденты оценивают частоту каждого по шкале Лайкерта от 1 («Практически никогда») до 8 («Несколько раз в день»). Второй блок состоит из четырех утверждений, направленных на характеристику эмоциональных практик и демонстрации родителем теплоты и привязанности к ребенку. Респонденты оценивали утверждения по шкале от 1 («Совершенно не согласен») до 4 («Совершенно согласен»). Результаты конфирматорного анализа показывают приемлемость полученных индексов: (χ^2 (2) = 183,50, $p < 0,01$; CFI = 0,94; TLI = 0,93; SRMR = 0,043; RMSEA = 0,06), α Кронбаха для практик когнитивной стимуляции — 0,84, для эмоциональных практик — 0,77.

Результаты

В рамках предварительного анализа были подсчитаны описательные статистики по каждой из 11 родительских практик, которые измерялись разработанной шкалой. Согласно полученным результатам, минимальные показатели принадлежат практикам, связанным с физическим наказанием, предоставлением тайм-аута и лишением общения. Более часто родители разговаривают с ребенком о случив-

шемся, дают понять, что наблюдают за ним, демонстрируют ожидаемое поведение или отвлекают (табл. 1). На основании показателей асимметрии и эксцесса, а также критерия Шапиро — Уилка (значимость менее 0,001) можно сделать вывод, что полученные данные не соответствуют закону нормального распределения.

Таблица 1. **Результаты описательных статистик отдельных родительских практик**

№	Утверждения	Md	M	SD	Асимметрия	Эксцесс
1	Тайм-аут	1	1,46	0,80	1,71	2,24
2	Физическое наказание	1	1,30	0,66	2,65	8,26
3	Вербальное взаимодействие	5	4,29	0,79	–1,09	1,42
4	Игнорирование ребенка	1	1,47	0,82	1,72	2,26
5	Вербальная агрессия	3	2,95	1,02	–0,10	–0,43
6	Лишение привилегий	3	2,69	1,18	0,06	–0,93
7	Переключение внимания	3	3,15	1,13	–0,28	–0,56
8	Игнорирование поведения	1	2,01	1,01	0,73	–0,13
9	Естественные последствия	3	2,75	1,21	–0,03	–1,01
10	Мониторинг	4	3,50	1,04	–0,61	–0,03
11	Моделирование поведения	3	3,19	1,00	–0,24	–0,29

Примечания: Md — медиана; M — среднее арифметическое, SD — стандартное отклонение, min — 1, max — 5.

Сравнительный анализ выраженности показателей каждой дисциплинарной практики подтвердил наличие значимых различий в использовании представленных мер родительского воздействия ($\chi^2 = 2952{,}25$, $p < 0{,}001$). При анализе показателей post hoc сравнений Коновера значимых различий ($p > 0{,}05$) не обнаружено только между:

- показателями физического наказания, представления тайм-аута, игнорирования ребенка (лишения общения);
- повышением голоса, отвлечением ребенка и демонстрацией ожидаемого поведения;
- лишением привилегии и предоставлением опыта естественных последствий.

Корреляционный анализ (ρ Спирмена) показал, что представленные дисциплинарные родительские практики в большинстве случаев образуют позитивные связи, образуя группы, в то время как практики из разных групп связаны между собой в меньшей степени (табл. 2). Например, позитивно связаны утверждения об использовании тайм-аута, физического наказания и игнорирования ребенка, а также переключение внимания ребенка, игнорирование поведения, предоставление возможности столкновения ребенка с естественными последствиями его непослушания (нарушения дисциплины). Предположительно именно эти группы утверждений и будут образовывать факторы в структуре опросника, поэтому далее был выполнен эксплораторный факторный анализ для выявления возможной структуры факторов методики.

Таблица 2. **Результаты корреляционного анализа утверждений Шкалы дисциплинарных родительских практик**

№	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	–									
2	0,30***	–								
3	0,05	–0,07	–							
4	0,17***	0,25***	–0,07	–						
5	0,17***	0,27***	–0,04	0,17***	–					
6	0,30***	0,20***	0,02	0,28***	0,34***	–				
7	0,09*	0,04	0,22***	0,13**	0,09*	0,12**	–			
8	0,01	0,06	–0,01	0,04	0,01	0,05	0,19***	–		
9	0,00	0,00	0,07	0,03	0,11**	0,11**	0,20***	0,25***	–	
10	0,11*	0,01	0,09*	0,12**	0,08	0,10*	0,14***	0,02	0,11**	–
11	0,15***	0,15***	0,13**	0,12**	0,13**	0,16***	0,25***	0,03	0,10*	0,43***

Примечания: * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$; 1 — тайм-аут; 2 — физическое наказание; 3 — вербальное взаимодействие; 4 — игнорирование ребенка; 5 — вербальная агрессия; 6 — лишение привилегий; 7 — переключение внимания; 8 — игнорирование поведения; 9 — естественные последствия; 10 — мониторинг; 11 — моделирование поведения.

Результаты эксплораторного факторного анализа. Показатели тестов Кайзера — Мейера — Олкина (КМО) (0,67) и Бартлетта (2081,15 при $p < 0,001$) позволили сделать вывод о возможности проведения факторного анализа. С помощью метода «каменистой осыпи» было установлено, что трехфакторная структура будет оптимальной. Эксплораторный факторный анализ с помощью метода максимального правдоподобия и вращения Varimax позволил выявить факторную структуру опросника, которая объяснила 26 % дисперсии (табл. 3).

Таблица 3. **Факторная структура опросника дисциплинарных родительских практик**

№	Утверждения	M	SD	Ф1	Ф2	Ф3
1	Тайм-аут	1,49	0,83	0,459	–	–
2	Физическое наказание	1,30	0,63	0,429	–	–
3	Вербальное взаимодействие	4,28	0,77	–	–	0,326
4	Игнорирование ребенка	1,46	0,80	0,444	–	–
5	Вербальная агрессия	2,90	1,07	0,531	–	–
6	Лишение привилегий	2,67	1,17	0,554	–	–
7	Переключение внимания	3,23	1,15	–	–	0,553
8	Игнорирование поведения	2,10	1,08	–	–	0,396
9	Естественные последствия	2,76	1,24	–	–	0,401
10	Мониторинг	3,53	1,05	–	0,374	–
11	Моделирование поведения	3,19	1,01	–	0,998	–
Доля объяснимой дисперсии факторов				10 %	10 %	6 %

Согласно полученным результатам, в первый фактор попали утверждения, характеризующие предоставление тайм-аута, физическое наказание, игнорирование ребенка, вербальную агрессию и лишение привилегий. Первый фактор получил название «Практики наказания». Второй фактор включает в себя два утверждения, которые описывают организацию действий ребенка: демонстрацию наблюдения за ребенком (мониторинг) и ожидаемого поведения (моделирование поведения). В связи с этим фактор получил название «Практики моделирования». Третий фактор состоит из четырех утверждений, которые описывают вербальное взаимодействие с ребенком, стремление родителя переключить внимание ребенка, игнорирование его несоответствующего поведения и представление возможности ребенку встретиться с последствиями его поведения. Третий фактор получил название «Мягкие практики».

Результаты конфирматорного факторного анализа. Далее был проведен конфирматорный факторный анализ, который позволил подтвердить выявленную трехфакторную структуру. Были проверены однофакторная модель, при которой все утверждения попадают в один фактор, и трехфакторная структура, выявленная в ходе факторного анализа. После анализа индексов модификации и учета ковариации между пунктами 2 и 6, 8 и 9 так же были рассчитаны показатели модифицированной трехфакторной модели (табл. 4).

Таблица 4. **Результаты конфирматорного факторного анализа**

Модель	χ^2	df	CFI	TLI	RMSEA	SRMS
Однофакторная	252,035	44	0,61	0,51	0,092	0,069
Трехфакторная	87,217	41	0,91	0,89	0,045	0,038
Трехфакторная (модифицированная)	51,71	39	0,98	0,97	0,024	0,032

Показатели пригодности модели, выявленные в ходе конфирматорного факторного анализа, подтвердили бóльшую пригодность трехфакторной модифицированной модели в сравнении с однофакторным или трехфакторным решением.

Валидность и надежность шкалы. Одномоментная надежность опросника была выявлена в ходе подсчета показателя α Кронбаха. Так, для шкалы практик наказания она составила 0,597 CI [0,57; 0,63], для шкалы практик моделирования — 0,587 CI [0,55; 0,63], для шкалы мягких практик — 0,56 CI [0,51; 0,60]. В целом, учитывая, что шкалы включают небольшое количество утверждений, показатели надежности можно считать удовлетворительными.

Анализ описательных статистик полученных шкал свидетельствует о том, что родители детей дошкольного возраста склонны использовать практики моделирования и мягкие практики, в то время как практики наказания используются намного реже (табл. 5). Распределение данных не соответствует закону нормального распределения (критерий Шапиро — Уилка значим, $p < 0{,}001$). Полученные результаты в целом подтверждают выявленные при анализе описательных статистик отдельных родительских дисциплинарных практик результаты.

Для выявления валидности шкал был проведен корреляционный анализ (табл. 6). Полученные результаты свидетельствуют о том, что шкалы опросника дисциплинарных практик положительно связаны между собой и демонстрируют

Таблица 5. **Описательные статистики шкал опросника дисциплинарных практик**

№	Показатели	M	SD	Асим.	Эксцесс	Min	Max
1	Практики наказания	1,98	0,57	0,59	0,22	1,00	4,00
2	Практики моделирования	3,34	0,86	–0,37	–0,07	1,00	5,00
3	Мягкие практики	3,05	0,65	0,02	0,03	1,00	5,00

Примечания: M — среднее арифметическое, SD — стандартное отклонение, Асим. — асимметрия.

Таблица 6. **Результаты корреляционного анализа**

№	Показатели	1	2	3
1	Практики наказания	–		
2	Практики моделирования	0,22***	–	
3	Мягкие практики	0,15***	0,20***	–
4	Практики теплоты	–0,22***	0,10	–0,07
5	Практики когнитивной стимуляции	–0,12**	0,09*	0,16*
6	Структура	–0,08	0,15**	0,06
7	Забота	–0,13**	–0,01	0,007
8	Контроль	0,20**	0,26***	–0,02
9	Возраст ребенка	0,03	0,11*	0,06
10	Пол	–0,18***	–0,04	–0,05
11	Возраст матери	–0,04	0,07	–0,09*
12	Уровень образования матери	0,05	0,05	0,10*
13	Количество детей в семье	–0,03	0,01	0,02

Примечания: *** $p < 0{,}001$; ** $p < 0{,}01$; * $p < 0{,}05$.

умеренные коэффициенты корреляции (r не превышает 0,30, $p < 0{,}001$). Подобные результаты говорят о том, выявленные шкалы опросника измеряют близкие, но различающиеся феномены.

Практики наказания продемонстрировали позитивную связь с родительским контролем и отрицательную — с практиками теплоты, когнитивной стимуляцией и родительской заботой. Практики моделирования демонстрируют положительную связь с практиками когнитивной стимуляции, родительской заботой и структурой. Практики мягкого восстановления дисциплины — только с практиками когнитивной стимуляции. Различия по полу обнаружены только по показателю практик наказания (W = 19058,00, $p < 0{,}001$) — у родителей девочек он выражен значимо ниже.

Обнаружены связи дисциплинарных родительских практик с социально-демографическими факторами. В частности, практики моделирования позитивно связаны с возрастом детей, а мягкие практики — отрицательно с возрастом матерей и положительно — с уровнем их образования. Количество детей в семье не показало связей с родительскими дисциплинарными практиками.

Обсуждение

В рамках проведенного исследования была разработана и апробирована Шкала дисциплинарных родительских практик, которая позволила выявить выраженность 11 различных мер дисциплинарного воздействия матерей детей дошкольного возраста.

Анализ описательных статистик отдельных дисциплинарных родительских практик показал, что наиболее выраженная асимметрия наблюдается у показателей тайм-аута, физических наказаний, игнорирования ребенка и вербального взаимодействия. При этом если у первых трех показателей распределение сдвинуто в сторону меньшей частоты применений, то у последнего — в сторону большей. Подобное распределение данных может быть связано с социальной желательностью ответов родителей (Quick et al., 2023). Например, обнаружено, что родители отмечают очень редкое использование физических наказаний и более частое обсуждение проблем поведения с ребенком, однако исследования девиантного поведения детей указывают, что часто причиной различных нарушений, совершаемых детьми и подростками, становятся именно телесные наказания, которые практикуются в семье (Larzelere et al., 2023). С другой стороны, полученные результаты могут действительно отражать тенденцию снижения практик наказания и повышение ориентации родителей на вербальную коммуникацию и прояснение проблемы для ребенка (Durrant, Ensom, 2012; Michaelson, Ensom, 2022).

Согласно описательным статистикам (среднее арифметическое и мода), более редко встречающимися практиками дисциплинарного воздействия являются именно физическое наказание, предоставление ребенку тайм-аута и игнорирования ребенка. В целом в современных исследованиях наблюдается снижение частоты использования данных практик (Quail, Ward, 2022; Ganapathy et al., 2022). К наиболее часто используемым практикам относятся мониторинг и вербальное взаимодействие. Родители в большей мере стремятся поддерживать приемлемое поведение детей, обсуждая ситуацию и наблюдая за поведением. Полученные результаты соответствуют полученным ранее данным, например (Socolar et al., 2004), хотя при изменении шкалы ответов на дихотомическую («да/нет»), результаты могут несколько измениться (Ward et al., 2023).

Корреляционный анализ связей показателей отдельных дисциплинарных практик позволил выявить группы утверждений, которые связаны между собой позитивно. Например, четко прослеживается группа связей между тайм-аутом, физическим наказанием, игнорированием ребенка и вербальной агрессией, другая группа может быть сформирована на основе связей между переключением внимания, игнорированием поведения и предоставлением опыта естественных последствий. Выявление подобных групп связей между отдельными показателями дисциплинарных практик стало основанием для проведения факторного анализа с целью выявления структуры опросника.

Эксплораторный факторный анализ позволил выявить трехфакторную структуру шкалы дисциплинарных родительских практик. Хотя нагрузка отдельных утверждений невелика (в целом от 0,326 до 0,998), конфирматорный анализ модели с тремя факторами показал высокие индексы пригодности. Анализ пунктов, по-

павших в первый фактор, позволил обозначить их как практики наказания, ориентированные на воздействие, целью которого является авторитарное установление ограничений для ребенка. Во второй фактор попали утверждения, описывающие меры дисциплинирования ребенка через присутствие родителя, которое имеет эффект, ограничивающий спектр дозволенных ребенку действий, и демонстрацию родителем корректного поведения. Данные дисциплинарные практики были названы группой практик моделирования поведения. В третью группу вошли действия родителя, которые не несут жесткого директивного воздействия, и поэтому группа получила название мягких практик. Полученная структура дисциплинарных родительских практик подтверждается результатами предыдущих исследований, в которых были выявлены практики наказания и мягкие практики, например (Ward et al., 2023). В настоящем исследовании моделирование и мониторинг попали в разные факторы, хотя ранее они образовывали отдельные факторы, что может быть связано с большим числом утверждений использованного опросника (Socolar et al., 2004).

Выраженность показателей выявленных факторов подтверждается полученными для отдельных практик результатами: родители чаще используют практики моделирования и мягкие практики, чем дисциплинирование через наказание.

Дисциплинарные практики родителей (матерей) детей дошкольного возраста оказались связаны с показателями родительского отношения. В частности, практики наказания в меньшей степени связаны со стремлением матерей демонстрировать ребенку теплоту и близость, проявлять заботу и проводить время за различными совместными занятиями (Beltrán-Sierra et al., 2024). При этом присутствует связь с показателем контроля, который характеризуется стремлением матери полностью контролировать жизнь ребенка. Полученные данные подтверждают результаты предыдущих исследований, в которых установлено, что родители с авторитарным стилем чаще используют наказание и физические воздействия, чем родители с другими подходами к воспитанию (Larzelere et al., 2023). Практики моделирования связаны с частотой совместных развивающих занятий, ориентацией матери на упорядочение жизни ребенка и предоставление ему организованной, структурированной среды, а также контроля. Мягкие практики связаны только с частотой занятий, направленных на стимуляцию когнитивного развития, которыми мать и ребенок занимаются вместе.

Среди социально-демографических факторов связь с практиками наказания продемонстрировал пол. Вероятно, матери девочек реже используют практики наказания, чем родители мальчиков, что соответствует ранее выявленным тенденциям (см., напр.: Satinsky et al., 2024; Довольнова, 2023). Возраст ребенка положительно связан с практиками моделирования, что можно объяснить тем, что дети постарше обладают большей саморегуляцией и присутствие родителя уже выступает ограничивающим фактором. Возраст матери отрицательно, а уровень образования положительно связаны с частотой использования мягких практик. Можно предположить, что обсуждение поведения и управление вниманием чаще используют более молодые матери с более высоким уровнем образования, что также соответствует предыдущим результатам (напр.: Wolf, Suntheimer, 2020).

Заключение

Настоящее исследование было направлено на выявление выраженности показателей отдельных дисциплинарных практик у родителей (матерей) детей дошкольного возраста и поиск факторной структуры разработанной шкалы, а также на проверку ее психометрических показателей.

Полученные результаты указывают на то, что Шкала дисциплинарных родительских практик может быть использована в исследовательских целях для выявления особенностей родительского поведения, направленного на восстановление приемлемого поведения ребенка, соответствующего социальным нормам и/или ожиданиям матерей.

Важно отметить некоторые ограничения исследования. Его респондентами стали только матери детей дошкольного возраста, и они могут обладать определенной спецификой поведения в отличие от, например, отцов или других опекунов. Также необходимо учитывать, что основная часть выборки — женщины с высшим образованием, что также может повышать частоту использования ими мягких практик. Кроме того, тема дисциплинирования через практики наказания и физическое воздействие носит деликатный характер, что с некоторой долей вероятности влияет на распределение ответов родителей. В частности, выраженная асимметрия данных, полученных на вопрос о частоте использования практик наказания, может говорить еще и о социальной желательности ответов. Подобная особенность должна учитываться в дальнейших исследованиях при интерпретации результатов. Выявленные психометрические показатели опросника также демонстрируют некоторые ограничения. Так, доля объяснимой дисперсии трехфакторной модели не очень велика (26 %), что может указывать на несколько вариантов интерпретации. Во-первых, современные родители могут использовать дисциплинарные практики, не представленные в шкале. Во-вторых, при выборе утверждений в ходе разработки инструмента были поставлены две важные задачи: представление перечня разнообразных дисциплинарных практик, не связанных исключительно с различными аспектами какой-то одной стратегии (например, физического наказания) и создание краткой версии опросника, который было бы комфортно заполнять родителям. Можно предположить, что именно это повлияло на низкую долю объяснимой дисперсии, обусловленной разработанным инструментом. Косвенно это подтверждается и невысокими показателями одномоментной надежности выявленных шкал — он не превышает 0,60. Хотя необходимо отметить, что в предыдущих исследованиях аналогичные инструменты также демонстрируют умеренные показатели (см., напр.: Socolar et al., 2004; Mathews et al., 2020), что может быть связано с широким разнообразием и культурной обусловленностью дисциплинарных родительских практик (Larzelere et al., 2023). Учитывая все обозначенные ограничения, перспективой исследования является дальнейшее проведение исследования дисциплинарных практик современных родителей, которое будет направленно не только на поиск не представленных в разработанном инструменте практик, но и на дальнейшее выявление более общих дисциплинарных стратегий, что может быть реализовано в ходе дальнейшего качественного исследования (проведением дополнительных фокус-групп, индивидуальных интервью или нарративных техник).

Литература

Алмазова О. В., Азимзаде А. А., Гаврилова М. В., Бабаев М. А. Современное материнство в сельской местности Азербайджана: карьера, семья и ценности воспитания // Российский психологический журнал. 2022. Т. 19, № 4. С. 6–22. https://doi.org/10.21702/rpj.2022.4.1

Борисенко Е. А. Дисциплинарные родительские стратегии в неполных семьях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 1 (95). С. 172–182.

Веракса А. Н., Куриленко В. Б., Новикова И. А. Феноменология детства в современных контекстах // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Психология и педагогика. 2023. Т. 20, № 3. С. 419–430. http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-3-419-430

Довольнова И. В. Специфика проявлений инициативности мальчиками и девочками дошкольного и младшего школьного возраста в социокультурной среде // Современное дошкольное образование. 2023. Т. 1, № 115. С. 54–64. http://doi.org/10.24412/2782-4519-2023-1115-54-64

Зеликова Ю. А. Что формирует родительские практики? Физическое наказание и воспитание в петербургских семьях // Женщина в российском обществе. 2014. Т. 1, № 70. С. 42–51.

Карабанова О. А. Современное детство и дошкольное образование — на защите прав ребенка: к 75-летию со дня рождения Е. О. Смирновой // Национальный психологический журнал. 2022. № 3. С. 60–68. https://doi.org/10.11621/npj.2022.0308

Киселева М. Г., Комиссаренко А. О., Виноградова В. Д., Еремина С. А., Асланова М. С. Связь стилей родительского воспитания с учебной мотивацией и эмоциональным состоянием подростков в условиях цифровизации // Теоретическая и экспериментальная психология. 2024. Т. 17, № 3. С. 96–113. https://doi.org/10.11621/TEP-24-26

Корниенко Д. С., Руднова Н. А. Предварительные психометрические показатели Краткого опросника обобщенных характеристик родительского отношения (Comprehensive General Parenting Questionnaire) // Вопросы психологии. 2023. Т. 69, № 5. С. 125–139.

Корниенко Д. С., Руднова Н. А., Тарасова К. С., Шведчикова Ю. С. Связь отдельных когнитивных и эмоциональных родительских практик со свойствами темперамента ребенка: оценка родителей // Сибирский психологический журнал. 2024. № 92. С. 64–83. https://doi.org/10.17223/17267080/92/4

Кортава Т. В. Воспитание словом человека и гражданина Отечества // Вестник Московского университета. Сер. 20. Педагогическое образование. 2024. Т. 22, № 1. С. 54–71.

Кузьмицкая Ю. Л. Согласованность родительских дисциплинарных воздействий в социальной регуляции поведения детей // Философия и социальные науки. 2014. № 4. С. 79–84.

Кузьмицкая Ю. Л. Взаимосвязь тактик дисциплинарного воздействия родителей и агрессивного поведения школьников в отношении одноклассников: дис. … канд. психол. наук. Минск, 2016.

Кузьмицкая Ю. Л. Дисциплинирование ребенка: дисциплинарная тактика и насилие в отношении детей // Зборнік навуковых прац Акадэміі паслядыпломнай адукацыі. 2018. № 16. С. 127–137.

Логинова С. В., Слободская Е. Р., Козлова Е. А., Корниенко О. С. Адаптация опросника для изучения практик родительского воспитания детей дошкольного возраста (APQ-PR) // Психологические исследования. 2016. № 47. https://doi.org/10.54359/ps.v9i47.471

Николаева Е. И. Сравнительный анализ представлений детей и их родителей об особенностях поощрения и наказания в семье // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3, № 2. С. 118–125.

Рагулина О. А., Фокина А. В. Родительские практики, способствующие появлению неврозов у детей // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6, № 2. С. 46–53. https://doi.org/10.17759/jmfp.2017060205

Фурманов И. А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция. СПб.: Речь, 2007.

Цукерман Г. А., Обухова О. Л. Обучение, которое ведет за собой развитие субъектности // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2024. Т. 47, № 4. С. 129–149. https://doi.org/10.11621/LPJ-24-43

Шведовская А. А. Специфика позиции родителей при различных типах взаимодействия с детьми дошкольного и младшего школьного возраста // Психологическая наука и образование. 2006. Т. 11, № 1. С. 69–84.

Beltrán-Sierra N., Fraijo-Sing B., Tapia-Fonllem C. Parental engagement in early literacy: A qualitative exploration of practices and beliefs in Northern Mexico // Psychology in Russia: State of the Art. 2024. Vol. 17, no. 3. P. 3–22. https://doi.org/10.11621/pir.2024.0401

Bodovski K., Youn M.-J. Love, discipline and elementary school achievement: The role of family emotional climate // Social Science Research. 2010. Vol. 39, no. 4. P. 585–595. https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2010.03.008

Cass L., Dorr D. Discipline from the psychoanalytic viewpoint // D. Dorr, M. Zax, J. W. Bonner (eds). The Psychology of Discipline. New York: International Universities Press, 1988. P. 15–64.

Castro Carrasco P., Cuadra-Martínez D., Hu González C. Subjective theories about parental discipline in parenting literature / Teorías subjetivas sobre disciplina parental en literatura para padres // Revista chilena de pediatria. 2019. Vol. 90, no. 1. P. 52–59. https://doi.org/10.32641/rchped.v90i1.811

Cumming M. M., Poling D. V., Patwardhan I., Ozenbaugh I. C. Executive function in kindergarten and the development of behavior competence: Moderating role of positive parenting practices // Early Childhood Research Quarterly. 2022. Vol. 60. P. 161–172. https://doi.org/10.1016/j.ecresq.2022.01.008

Durrant J., Ensom R. Physical punishment of children: Lessons from 20 years of research // Canadian Medical Association Journal. 2012. Vol. 184, no. 12. P. 1373–1377. https://doi.org/10.1503/cmaj.101314

Font S. A., Cage J. Dimensions of physical punishment and their associations with children's cognitive performance and school adjustment // Child Abuse & Neglect. 2018. Vol. 75. P. 29–40. https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2017.06.008

Ganapathy S. S., Sooryanarayana R., Mohammad N. M., Abdul Manaf R. Practice of disciplinary methods and factors associated with belief for physical punishment among Malaysian parents: Findings from NHMS 2016 // Global Pediatric Health. 2022. Vol. 9. Art. 2333794X221113820. https://doi.org/10.1177/2333794X221113820

Gershoff E. T., Grogan-Kaylor A., Lansford J. E., Chang L., Zelli A., Deater-Deckard K., Dodge K. A. Parent discipline practices in an international sample: associations with child behaviors and moderation by perceived normativeness // Child Development. 2010. Vol. 81, no. 2. P. 487–502. https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.2009.01409.x

Gest S. D., Freeman N. R., Domitrovich C. E., Welsh J. A. Shared book reading and children's language comprehension skills: The moderating role of parental discipline practices // Early Childhood Research Quarterly. 2004. Vol. 19, no. 2. P. 319–336.

Huang L., Malone P. S., Lansford J. E., Deater-Deckard K., Di Giunta L., Bombi A. S., Bornstein M. H., Chang L., Dodge K. A., Oburu P., Pastorelli C., Skinner A. T., Sorbring E., Tapanya S., Tirado L. M., Zelli A., Alampay L., Al-Hassan S. M., & Bacchini D. Measurement invariance of discipline in different cultural contexts // Family Science. 2011. Vol. 2, no. 3. P. 212–219. https://doi.org/10.1080/19424620.2011.655997

Jeong J., Bliznashka L., Sullivan E., Hentschel E., Jeon Yo., Strong K. L., Daelmans B. Measurement tools and indicators for assessing nurturing care for early childhood development: A scoping review // PLOS Global Public Health. 2022. Vol. 2, no. 4. Art. e0000373. https://doi.org/10.1371/journal.pgph.0000373

Kalatskaya N. N., Valeeva R. A. Family upbringing styles and methods vs youth propensity for aggression // Education and Self Development. 2021. Vol. 16, no. 3. P. 375–397. https://doi.org/10.26907/esd.16.3.30

Lansford J. E., Odgers C. L., Bradley R. H., Godwin J., Copeland W. E., Rothenberg W. A., Dodge K. A. The HOME-21: A revised measure of the home environment for the 21st century tested in two independent samples // Psychological Assessment. 2023. Vol. 35, no. 1. P. 1–11. https://doi.org/10.1037/pas0001183

Larzelere R. E., Knowles S. J., Adkison-Johnson C., Cox R. B. Jr, Lin H., Mandara J. Ethnic differences in the effects of five disciplinary techniques on subsequent externalizing behavior problems // Marriage & Family Review. 2023. Vol. 59, no. 8. P. 523–548. https://doi.org/10.1080/01494929.2023.2199732

Mathews B., Pacella R., Dunne M. P., Simunovic M., Marston C. Improving measurement of child abuse and neglect: A systematic review and analysis of national prevalence studies // PLOS One. 2020. Vol. 15, no. 1. Art. e0227884. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0227884

Michaelson V., Ensom R. Ending the social normalization of violence against children in Canada: A framework, rationale, and appeal to Canadian faith leaders // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022. Vol. 19, no. 24. Art. 17016. https://doi.org/10.3390/ijerph192417016

Quail K. R., Ward C. L. Nonviolent discipline options for caregivers and teachers: A systematic overview of the evidence // Trauma, Violence & Abuse. 2022. Vol. 23, no. 2. P. 620–638. https://doi.org/10.1177/1524838020967340

Quick K. N., Vissoci J. R., Green E. P., Chase R. M., Puffer E. S. Adaptation and evaluation of a picture-based measure of parent discipline // Journal of Child and Family Studies. 2023. Vol. 32, no. 10. P. 2901–2914. https://doi.org/10.1007/s10826-023-02640-x

Roopnarine J. L., Jin B., Krishnakumar A. Do Guyanese mothers' levels of warmth moderate the association between harshness and justness of physical punishment and preschoolers' prosocial behaviours and anger? // International Journal of Psychology = Journal international de psychologie. 2014. Vol. 49, no. 4. P. 271–279. https://doi.org/10.1002/ijop.12029

Sanders M. R., Morawska A., Haslam D. M., Filus A., Fletcher R. Parenting and Family Adjustment Scales (PAFAS): Validation of a brief parent-report measure for use in assessment of parenting skills and family relationships // Child Psychiatry and Human Development. 2014. Vol. 45, no. 3. P. 255–272. https://doi.org/10.1007/s10578-013-0397-3

Satinsky E. N., Kakuhikire B., Baguma C., Cooper-Vince C. E., Rasmussen J. D., Ashaba S., Perkins J. M., Ahereza P., Ayebare P., Kim A. W., Puffer E. S., Tsai A. C. Caregiver preferences for physically harsh discipline of children in rural Uganda // Journal of Family Violence. 2024. Vol. 39, no. 5. P. 861–874. https://doi.org/10.1007/s10896-023-00536-4

Socolar R., Savage E., Devellis R. F., Evans H. The discipline survey: A new measure of parental discipline // Ambulatory Pediatrics: The Official Journal of the Ambulatory Pediatric Association. 2004. Vol. 4, no. 2. P. 166–173. https://doi.org/10.1367/A03-071R1.1

Solovieva Yu., Baltazar Ramos A. M., Quintanar Rojas L. Experience in pre-school education in Mexico: Following L. S. Vygotsky // New Ideas in Child and Educational Psychology. 2021. Vol. 1, no. 1. P. 77–95. https://doi.org/10.11621/nicep.2021.0104

Straus M. A., Fauchier A. Manual for the dimensions of discipline inventory (DDI). Durham: Family Research Laboratory, University of New Hampshire, 2007.

Straus M. A., Yodanis C. L. Corporal punishment in adolescence and physical assaults on spouses in later life: What accounts for the link? // Journal of Marriage and the Family. 1996. Vol. 58, no. 4. P. 825–841. https://doi.org/10.2307/353973

Tompkins V., Villaruel E. Parent discipline and pre-schoolers' social skills // Early Child Development and Care. 2020. Vol. 192, no. 3. P. 410–424. https://doi.org/10.1080/03004430.2020.1763978

Ward K. P., Grogan-Kaylor A., Ma J., Pace G. T., Lee S. Associations between 11 parental discipline behaviours and child outcomes across 60 countries // BMJ Open. 2023. Vol. 13, no. 10. Art. e058439. https://doi.org/10.1136/bmjopen-2021-058439

Wiggers M., Paas F. Harsh physical discipline and externalizing behaviors in children: A systematic review // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022. Vol. 19, no. 21. Art. 14385. https://doi.org/10.3390/ijerph192114385

Wolf S., Suntheimer N. M. Predictors of parental disciplinary practices and associations with child outcomes among Ghanaian preschoolers // Children and Youth Services Review. 2020. Vol. 112. Art. 104518. https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2019.104518

Yaffe Yo. A narrative review of the relationship between parenting and anxiety disorders in children and adolescents // International Journal of Adolescence and Youth. 2021. Vol. 26, no. 1. P. 449–459. https://doi.org/10.1080/02673843.2021.1980067

Статья поступила в редакцию 11 апреля 2025 г.;
рекомендована к печати 27 ноября 2025 г.

Контактная информация:

Руднова Наталья Александровна — канд. психол. наук, науч. сотр.;
https://orcid.org/0000-0003-2063-2892, rudnova.na@yandex.ru
Корниенко Дмитрий Сергеевич — д-р психол. наук, ст. науч. сотр.;
https://orcid.org/0000-0002-6597-264X, dscorney@mail.ru

Experience in developing and evaluating psychometric indicators of a disciplinary practices scale on a sample of parents (mothers) of preschool-aged children*

N. A. Rudnova[a], *D. S. Kornienko*

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation
Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research,
9, ul. Mokhovaya, Moscow, 125009, Russian Federation

For citation: Rudnova N. A., Kornienko D. S. Experience in developing and evaluating psychometric indicators of a disciplinary practices scale on a sample of parents (mothers) of preschool-aged children. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2026, vol. 16, issue 2, pp. 316–336. https://doi.org/10.21638/spbu16.2026.207 (In Russian)

Parental disciplinary practices encompass the influences, techniques, and measures that parents use in raising children to facilitate the acquisition of behavioral norms consistent with social standards and parental expectations, or to address behavioral violations. Contemporary Russian literature lacks instruments developed to identify the specific of these practices. This study aims to address these limitations. The study involved 549 mothers of preschool children aged 24 to 55 years (M = 36.74, SD = 4.91). The children's ages ranged from 4.75 to 6.83 years (M = 5.86, SD = 0.31), 51 % male. The Parental Disciplinary Practices Scale was developed based on several foreign measures and includes 11 items that characterize various disciplinary practices: time-out, physical punishment, verbal aggression, deprivation of privileges, ignoring the child, ignoring the child's incorrect behavior, verbal interaction, redirecting the child's attention, monitoring, modeling the child's behavior, and providing natural consequences for violating rules or discipline. To establish the scale's validity, the brief version of the Item-reduced Comprehensive General Parenting Questionnaire and the Scale of Parental Practices of Cognitive Stimulation and Warmth were used. Factor analysis revealed a three-factor structure of the Parental Disciplinary Practices Scale. An acceptable level of scale reliability was identified. A relationship between the subscales and different parental practices, was found, indicating the validity of the developed instrument. It is concluded that the scale can be used for research purposes. The limitations of the results obtained and the perspective of further research on parental disciplinary practices are discussed.

Keywords: disciplinary parenting practices, punishment practices, modeling practices, non-violent discipline practices, preschoolers, psychometric indicators.

References

Almazova, O. V., Azimzade, A. A., Gavrilova, M. V., Babayev, M. A. (2022). Modern motherhood in rural areas of Azerbaijan: career, family and values of upbringing. *Russian Psychological Journal,* 19 (4), 6–22. https://doi.org/10.21702/rpj.2022.4.1 (In Russian)

Beltrán-Sierra, N., Fraijo-Sing, B., Tapia-Fonllem, C. (2024). Parental Engagement in Early Literacy: A Qualitative Exploration of Practices and Beliefs in Northern Mexico. *Psychology in Russia: State of the Art,* 17 (3), 3–22. https://doi.org/10.11621/pir.2024.0401

Bodovski, K., Youn, M.-J. (2010). Love, discipline and elementary school achievement: The role of family emotional climate. *Social Science Research,* 39 (4), 585–595. https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2010.03.008

Borisenko, E. A. (2010). Disciplinary parental strategies in single-parent families. *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes,* 1 (95), 172–182. (In Russian)

* The research was funded by the Russian Scientific Foundation, project no. 23-78-30005.

[a] Author for correspondence.

Burkova, S. A., Nikolaeva, E. I. (2008). Relationship between self-estimation and a change in the heart rate variation in primary school children when they recollect punishments and rewards. *Scientific Notes of the Pavlov University,* 15 (4), 45–48. (In Russian)

Cass, L., Dorr, D. (1988). Discipline from the psychoanalytic viewpoint. In: D. Dorr, M. Zax, J. W. Bonner (eds). *The Psychology of Discipline* (pp. 15–64). New York, International Universities Press.

Castro Carrasco, P., Cuadra-Martínez, D., Hu González, C. (2019). Teorías subjetivas sobre disciplina parental en literatura para padres. *Revista chilena de pediatria*, 90 (1), 52–59. https://doi.org/10.32641/rchped.v90i1.811

Cumming, M. M., Poling, D. V., Patwardhan, I., Ozenbaugh, I. C. (2022). Executive function in kindergarten and the development of behavior competence: Moderating role of positive parenting practices. *Early Childhood Research Quarterly*, 60, 161–172. https://doi.org/10.1016/j.ecresq.2022.01.008

Dovolnova, I. V. (2022). The specifics of the manifestations of initiative by boys and girls of preschool and primary school age in the socio-cultural environment. *Preschool Education Today,* 1 (17), 54–64. http://doi.org/10.24412/2782-4519-2023-1115-54-64 (In Russian)

Durrant, J., Ensom, R. (2012). Physical punishment of children: Lessons from 20 years of research. *Canadian Medical Association Journal,* 184 (12), 1373–1377. https://doi.org/10.1503/cmaj.101314

Font, S. A., Cage, J. (2018). Dimensions of physical punishment and their associations with children's cognitive performance and school adjustment. *Child Abuse & Neglect*, 75, 29–40. https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2017.06.008

Furmanov, I. A. (2007). *Aggression and violence: Diagnostics, prevention and correction*. St. Petersburg, Rech' Publ. (In Russian)

Ganapathy, S. S., Sooryanarayana, R., Mohammad, N. M., Abdul Manaf, R. (2022). Practice of disciplinary methods and factors associated with belief for physical punishment among Malaysian parents: Findings from NHMS 2016. *Global pediatric health*, 9, 2333794X221113820. https://doi.org/10.1177/2333794X221113820

Gershoff, E. T., Grogan-Kaylor, A., Lansford, J. E., Chang, L., Zelli, A., Deater-Deckard, K., Dodge, K. A. (2010). Parent discipline practices in an international sample: Associations with child behaviors and moderation by perceived normativeness. *Child Development,* 81 (2), 487–502. https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.2009.01409.x

Gest, S. D., Freeman, N. R., Domitrovich, C. E., Welsh, J. A. (2004). Shared book reading and children's language comprehension skills: The moderating role of parental discipline practices. *Early Childhood Research Quarterly,* 19 (2), 319–336.

Huang, L., Malone, P. S., Lansford, J. E., Deater-Deckard, K., Di Giunta, L., Bombi, A. S., Bornstein M. H., Chang L., Dodge K. A., Oburu P., Pastorelli C., Skinner A. T., Sorbring E., Tapanya S., Tirado L. M., Zelli A., Alampay L., Al-Hassan S. M., Bacchini D. (2011). Measurement invariance of discipline in different cultural contexts. *Family Science*, 2 (3), 212–219. https://doi.org/10.1080/19424620.2011.655997

Jeong, J., Bliznashka, L., Sullivan, E., Hentschel, E., Jeon, Yo., Strong, K. L., Daelmans, B. (2022). Measurement tools and indicators for assessing nurturing care for early childhood development: A scoping review. *PLOS Global Public Health*, 2 (4), e0000373. https://doi.org/10.1371/journal.pgph.0000373

Kalatskaya, N. N., Valeeva, R. A. (2021). Family upbringing styles and methods vs. youth propensity for aggression. *Education and Self Development,* 16 (3), 375–397. https://doi.org/10.26907/esd.16.3.30

Karabanova, O. A. (2022). Modern childhood and preschool education protecting the rights of child: To the 75th anniversary of E. O. Smirnova's birth. *National Psychological Journal*, 3, 60–88. https://doi.org/10.11621/npj.2022.0308 (In Russian)

Kiseleva, M. G., Komissarenko, A. O., Vinogradova, V. D., Eremina, S. A., Aslanova, M. S. (2024). The relationship between parenting styles, educational motivation and anger in adolescents in the context of digitalization. *Theoretical and Experimental Psychology,* 17 (3), 96–113. https://doi.org/10.11621/TEP-24-26 (In Russian)

Kornienko, D. S., Rudnova, N. A. (2023). Preliminary psychometric indicators of the brief questionnaire of generalized characteristics of parental attitudes (complete general questionnaire for parents). *Voprosy psykhologii,* 69 (5), 125–139. (In Russian)

Kornienko, D. S., Rudnova, N. A., Tarasova, K. S., Shvedchikova Yu. S. (2024). Cognitive and emotional parental practices and the child's temperament: Parental assessment. *Siberian Journal of Psychology,* 92, 64–83. https://doi.org/10.17223/17267080/92/4 (In Russian)

Kortava, T. V. (2024). Power of word in the education of a person and a citizen of the fatherland. *Lomonosov Pedagogical Education Journal,* 22 (1), 54–71. https://doi.org/10.55959/LPEJ-24-03 (In Russian)

Kuzmitskaya, Yu. L. (2014). Coordination of parental disciplinary influences the social regulation of children's behavior. *Philosophy and Social Sciences,* 4, 79–84. (In Russian)

Kuzmitskaya, Yu. L. (2016). *The relationship between parental disciplinary tactics and aggressive behavior of schoolchildren towards classmates*, PhD Thesis. Minsk. (In Russian)

Kuzmitskaya, Yu. L. (2018). Disciplining a child: Disciplinary tactics and violence against children. *Collection of Scientific Works of the Academy of Social Education,* 16, 127–137. (In Russian)

Lansford, J. E., Odgers, C. L., Bradley, R. H., Godwin, J., Copeland, W. E., Rothenberg, W. A., Dodge, K. A. (2023). The HOME-21: A revised measure of the home environment for the 21st century tested in two independent samples. *Psychological Assessment*, 35 (1), 1–11. https://doi.org/10.1037/pas0001183

Larzelere, R. E., Knowles, S. J., Adkison-Johnson, C., Cox, R. B. Jr, Lin, H., Mandara, J. (2023). Ethnic differences in the effects of five disciplinary techniques on subsequent externalizing behavior problems. *Marriage & Family Review*, 59 (8), 523–548. https://doi.org/10.1080/01494929.2023.2199732

Loginova, S. V., Slobodskaya, H. R., Kozlova, E. A., Kornienko, O. S. (2016). Psychometric properties of a Russian version of the Alabama Parenting Questionnaire — Preschool revision (APQ-PR). *Psikhologicheskie issledovaniia,* 47. https://doi.org/10.54359/ps.v9i47.471 (In Russian)

Mathews, B., Pacella, R., Dunne, M. P., Simunovic, M., Marston, C. (2020). Improving measurement of child abuse and neglect: A systematic review and analysis of national prevalence studies. *PLOS One*, 15 (1), e0227884. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0227884

Michaelson, V., Ensom, R. (2022). Ending the social normalization of violence against children in Canada: A framework, rationale, and appeal to Canadian faith leaders. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 19 (24), 17016. https://doi.org/10.3390/ijerph192417016

Nikolaeva, E. (2006). Comparative analysis of children's and parents' views about family patterns of reward and punishment. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 3 (2), 118–125. (In Russian)

Quail, K. R., Ward, C. L. (2022). Nonviolent discipline options for caregivers and teachers: A systematic overview of the evidence. *Trauma, Violence & Abuse*, 23 (2), 620–638. https://doi.org/10.1177/1524838020967340

Quick, K. N., Vissoci, J. R., Green, E. P., Chase, R. M., Puffer, E. S. (2023). Adaptation and evaluation of a picture-based measure of parent discipline. *Journal of Child and Family Studies,* 32 (10), 2901–2914. https://doi.org/10.1007/s10826-023-02640-x

Ragulina, O. A., Fokina, A. V. (2017). Parental practices that contribute to the emergence of neuroses in children. *Journal of Modern Foreign Psychology,* 6 (2), 46–53. https://doi.org/10.17759/jmfp.2017060205 (In Russian)

Roopnarine, J. L., Jin, B., Krishnakumar, A. (2014). Do Guyanese mothers' levels of warmth moderate the association between harshness and justness of physical punishment and preschoolers' prosocial behaviours and anger? *International Journal of Psychology*, 49 (4), 271–279. https://doi.org/10.1002/ijop.12029

Sanders, M. R., Morawska, A., Haslam, D. M., Filus, A., Fletcher, R. (2014). Parenting and Family Adjustment Scales (PAFAS): Validation of a brief parent-report measure for use in assessment of parenting skills and family relationships. *Child Psychiatry and Human Development*, 45 (3), 255–272. https://doi.org/10.1007/s10578-013-0397-3

Satinsky, E. N., Kakuhikire, B., Baguma, C., Cooper-Vince, C. E., Rasmussen, J. D., Ashaba, S., Perkins, J. M., Ahereza, P., Ayebare, P., Kim, A. W., Puffer, E. S., Tsai, A. C. (2024). Caregiver preferences for physically harsh discipline of children in rural Uganda. *Journal of Family Violence*, 39 (5), 861–874. https://doi.org/10.1007/s10896-023-00536-4

Shvedovskaya, A. A. (2006). Specificity of a parent's position in interaction of different types with preschool and early school age children. *Psychological Science and Education,* 11 (1), 69–84. (In Russian)

Socolar, R., Savage, E., Devellis, R. F., Evans, H. (2004). The discipline survey: A new measure of parental discipline. *Ambulatory Pediatrics: The official journal of the Ambulatory Pediatric Association,* 4 (2), 166–173. https://doi.org/10.1367/A03-071R1.1

Solovieva, Yu., Baltazar Ramos, A. M., Quintanar Rojas, L. (2021). Experience in pre-school education in Mexico: Following L. S. Vygotsky. *New Ideas in Child and Educational Psychology*, 1 (1), 77–95. https://doi.org/10.11621/nicep.2021.0104

Straus, M. A., Fauchier, A. (2007). *Manual for the Dimensions of Discipline Inventory (DDI)*. Durham, Family Research Laboratory, University of New Hampshire.
Straus, M. A., Yodanis, C. L. (1996). Corporal punishment in adolescence and physical assaults on spouses in later life: What accounts for the link? *Journal of Marriage and the Family*, 58 (4), 825–841. https://doi.org/10.2307/353973
Tompkins, V., Villaruel, E. (2020). Parent discipline and pre-schoolers' social skills. *Early Child Development and Care*, 192 (3), 410–424. https://doi.org/10.1080/03004430.2020.1763978
Veraksa, A. N., Kurilenko, V. B., Novikova, I. A. (2023). Phenomenology of childhood in modern contexts. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics,* 20 (3), 419–430. http://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-3-419-430 (In Russian)
Ward, K. P., Grogan-Kaylor, A., Ma, J., Pace, G. T., Lee, S. (2023). Associations between 11 parental discipline behaviours and child outcomes across 60 countries. *BMJ Open*, 13 (10), e058439. https://doi.org/10.1136/bmjopen-2021-058439
Wiggers, M., Paas, F. (2022). Harsh physical discipline and externalizing behaviors in children: A systematic review. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 19 (21), 14385. https://doi.org/10.3390/ijerph192114385
Wolf, S., Suntheimer, N. M. (2020). Predictors of parental disciplinary practices and associations with child outcomes among Ghanaian preschoolers. *Children and Youth Services Review,* 112, 104518. https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2019.104518
Yaffe, Yo. (2021). A narrative review of the relationship between parenting and anxiety disorders in children and adolescents. *International Journal of Adolescence and Youth*, 26 (1), 449–459. https://doi.org/10.1080/02673843.2021.1980067
Zelikova, Yu. A. (2014). What shapes parenting practices? Physical punishment and education in St. Petersburg families. *Woman in Russian Society,* 1 (70), 42–52. (In Russian)
Zuckerman, G. A., Obukhova, O. L. (2024). Education that leads to development of students as subjects of their own learning. *Lomonosov Psychology Journal,* 47 (4), 129–149. https://doi.org/10.11621/LPJ-24-43 (In Russian)

Received: April 11, 2025
Accepted: November 27, 2025

Authors' information:

Natalia A. Rudnova — PhD in Psychology, Researcher; https://orcid.org/0000-0003-2063-2892, rudnova.na@yandex.ru
Dmitriy S. Korienko — Dr. Sci. in Psychology, Leading Researcher; https://orcid.org/0000-0002-6597-264X, dscorney@mail.ru